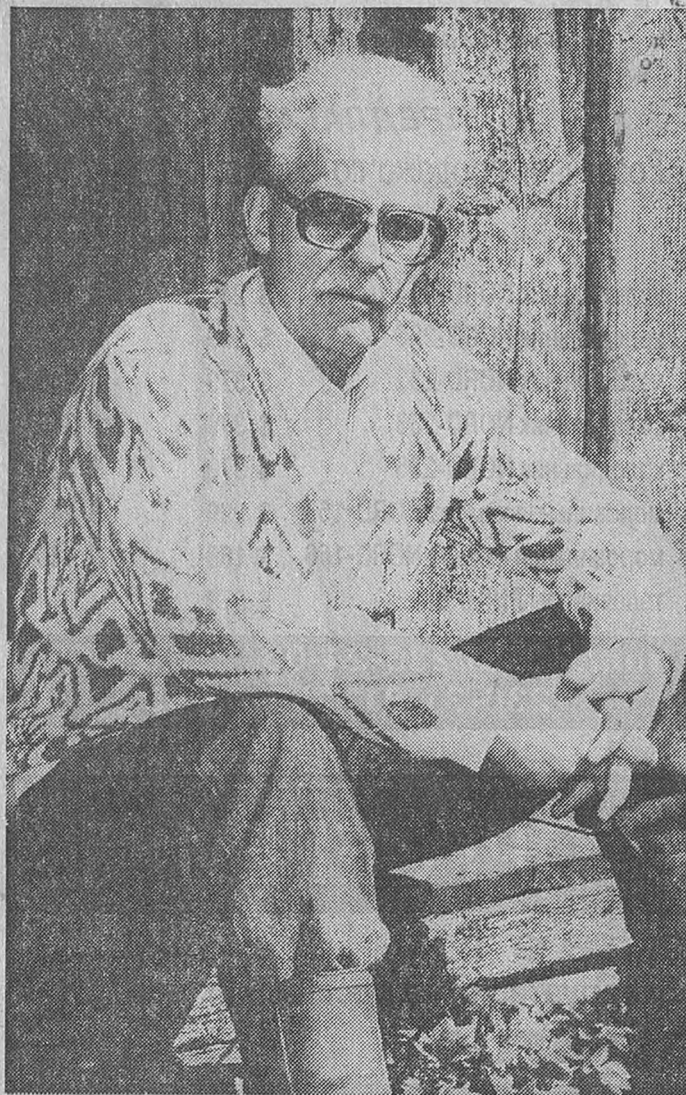

Накануне 70-летия Бориса Васильева мы побывали у писателя дома, в подмосковном Солнечногорске. Какой еще радости можно пожелать нам, его читателям, кроме того, что увидели! Бориса Васильева застали за работой. Его исторический роман «Конунг и князь» уже ждет издательство, работе этой подчинено все.

— Борис Львович, этот исторический роман — ваш давний замысел? Или в связи с потрясениями последних лет в нашей жизни вы обратились к прошлому?

— Меня история всегда привлекала, это увлечение на всю жизнь. Но сейчас у нас такая открытая борьба за власть, что захотелось рассказать о том, что это в нашей истории всегда было. Бешеная борьба, беспощадная борьба, все решает борьба за власть — остальное потом, никого не жалко. Самоценность власти. Она сейчас тоже существует — самоценная власть. А власть несамодостаточна, власть — это служба народу. И только! И больше ничего в ней

нет. Как только мы до этого дозреем, все кончится, все станет мирным, нормальным. Потому что любой властолюбец поймет, что он всего-навсего администратор и не более того, и народ может завтра уволить к чертовой матери и взять другого. Посмотрите на Запад — там до этого дошли, там просто нанимают правительство, работников высшей администрации. Америка открыто говорит — администрация! Нам не надо выращивать свою демократию по американскому образцу. Россия одна из древнейших стран Европы, которая никогда не теряла своей государственности. Давайте присмотримся к собственной исто-

рии. Может быть, это поможет нам найти себя и сегодня.

Роман небольшой по времени. Начало девятого века, через два года Олег возьмет Киев. Олег — конунг, то есть выборный вождь варяжских дружин; князь — Рюрик. Олег возьмет Киев и провозгласит сына Рюрика Игоря князем. Но правил за него, как известно, Олег... пока змея его не укусила. Интересно, как змея его кусала? В России нет ядовитых змей, даже гадюку и то пережить можно, она не смертельна. Значит, легенда, значит, отравили. Кто? Игорь. Кто рвался к власти?.. Я не сюжет, конечно, рассказываю, а только напоминаю, как все было...

Острое нравственное зрение писателя, вероятно, и на этот раз открывает нам что-то новое в знакомой

ми, которые не позволяют терять присутствия духа, особенно сердиться, горевать, являются три простых правила.

Первое: не надо ничего ждать. Не надо ждать, что нам завтра кто-то — дядя, дядя Ельцин, дядя Черномырдин — что-то сделает. Сделать мы можем только сами. И больше никто. Надо забыть о том, что есть бурмистр Власов, у которого можно попросить лесу починить пошатнувшуюся избенку. Нет бурмистров больше. Это надо понять всем. Рассчитывать мы можем только на свои силы. Никто нас вытаскивать из той пропасти, в которой мы оказались, не будет.

— И это, вы полагаете, благо для нас!

— Благо. Потому что меняет нашу психологию. Есть одно

Не самый темпераментный (как раз темперамент у нас не очень яркий), а самый эмоциональный. Сначала поступаем по порыву, а потом смотрим, что мы наделали. Это нам свойственно. Но духовность наша тоже от повышенного уровня эмоциональности. У нас нет немецкой рассудочности, американской деловитости, нет умения англичан держать дистанцию... мы такие. Для нас митинг — это тоже способ вылить свои чувства. Посмотрите, какие точные, какие сдержанные митинги за границей: ходят с плакатами, на которых написаны четкие, ясные требования. Наши митинги — это вопли национальной души.

Всем трудно, никому сейчас легко не живется. Но ведь эмоциями не переломишь, а только спокойствием и согласием. Вместо того чтобы орать и бить себя кулаком в грудь, надо подумать и договориться: что же мы хотим, чтобы здесь было. Любое искусственное построение общества приводит его в конечном итоге к гибели — мы убедились на собственной истории. Жизни необходимо взаимодействие людей. В чем смысл согласия? На мой взгляд, в равновесии: народ отчетливо понимает, что он должен работать, а правительство гарантирует ему прожиточный минимум, охрану государства и общества и каждого человека лично. На этом равновесии и держится любое государство мира — на согласии, на внутренней договоренности между правительством и народом. У нас она нарушена, нет равновесия. Надо искать согласия, только поменьше употреблять слово «национальное», потому что Россия — страна многонациональная. Избранной расы здесь нет и быть не может, иначе все погибнет.

Третье: давайте перестанем просить. Мы очень любим просить, все бегаем с протянутой рукой. Просить — просто советно. Каждый из нас должен найти возможность существовать в этом мире и делать что-то полезное. Никаких предпосылок нищенства у нас нет. А бедность — это состояние. Мы все в подавляющем большинстве бедные люди. Но в этом состоянии нет ничего позорного, не от нас зависит. А нищенство — это профессия. Просить не надо. Переживем эту бедность, худшее переживали — и ничего, выжили. Пусть мои ровесники вспоминают, какой была Россия после войны, когда пахали на себе. Необходимость заставляла выжить, сознание и воля, и смысл, ради которого люди готовы были терпеть.

— Но тогда, быть может, не было такого внутреннего

разлада, достоинство человека не зависело от внешних обстоятельств. Сейчас не столько бедность, как мне кажется, и униженность ощущают многие люди.

— Мы привыкли понимать социальное равенство как равенство экономическое. Ведь это тоже простое решение. Мы соглашались, что есть какой-то слой, который имеет право жить лучше на два порядка. Мы за нами не поглядывали, но за своим соседом мы следили очень зорко: он должен жить так, как мы. В этом и заключалось наше социальное равенство. Когда все это рухнуло (глаза закрывать нечего: хватай и наживайся — сейчас для многих лозунг номер один), наше представление об экономическом равенстве нарушилось и появилась обида. Но в корне-то лежит зависть. А это нехорошее чувство, не надо никому завидовать. Завидовать можно здоровью, красоте, может быть, таланту, тому, что принадлежит личности, но не тому, сколько денег у человека в кармане. Не надо этому завидовать. Никто не поможет нам и не должен помогать. Государство обязано помогать инвалидам, старикам и всем тем, кто действительно себя прокормить не может. И никаких дотаций никому, иначе мы снова окажемся в той скрытой безработице, в которой всегда жили. Вместо одного человека работали десять — так ведь было? Было. И сейчас так. У нас страшно раздутые штаты, мы страшно любим чиновничество и увеличиваем его под всякими предлогами. А должно быть только строго необходимое количество чиновников в стране. И ни одного больше.

В нашем понимании слова «свобода» и «воля» объединены, но есть разница: барин отпущал на волю, а государство — на свободу. Мне кажется, многие сейчас себя ощущают именно отпущенными на волю: кончилась барщина, а свободы нет. А что такое свобода в отличие от воли? Воля безгранична — что хочу, то и ворочу; свобода ограничена рамками закона. А у нас до сей поры законы не приняты.

— И, быть может, поэтому люди, которые с верой ждали перемен, сейчас имеют много поводов для разочарования?

— Вот именно, все сводится к борьбе с этим разочарованием внутри себя.

Просто и точно сказано. Когда мы прощались, в дверях появился гонец из Смоленска. Это был художник восьмидесятого издания прозы Бориса Васильева. Он привез вышедший из печати первый том: рассказы и повести.

Борис ВАСИЛЬЕВ:

НЕ ЖДИ,
НЕ БОЙСЯ,
НЕ ПРОСИ

с детства истории. Повести и рассказы Васильева, выдержавшие самые массовые тиражи, — «А зори здесь тихие», «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей», «Завтра была война»... — спектакли и кинофильмы по его произведениям, и даже публицистика, и наши известинские публикации всегда находили кратчайший путь к сердцу современников. Отклики на статью «Люби Россию в непогоду» редакция получала в течение года.

— Борис Львович, с высоты 70 лет могли бы вы сегодня сказать тем людям, которые вместе с вами прошли войну, все трудности, которые сейчас, может быть, в отчаянии, в глубокой печали, что-нибудь ободряющее?

Улыбка медленно исчезает с лица, и после небольшой паузы Борис Львович говорит: «Если получится...»

— Для меня опорными точка-

очень вредное, внедренное в нас понятие простых решений. Вся советская власть приучала нас к простым решениям. Что это означает? Естественно, что бригадир всегда прав, и так по ступенькам... Все в жизни нашего человека было как бы рассчитано, человеку не надо было думать о своей судьбе, его как бы избавили от всех забот и хлопот: вот твоя дорога! И нас приучили к системе простых решений. Поэтому мы так жадно верим лозунгам. Ни одна страна так не верит лозунгам, как мы, все сомневаются. Они думают сами. А мы не думаем сами.

Второе: не надо ничего бояться. Не надо бояться того, что сейчас происходит. Все так гипертрофировано, потому что мы народ очень эмоциональный. Русские едва ли не самый эмоциональный народ в мире. Так случилось, такова история наша.